

ВЕНЕРА — МОСКВА — ЮПИТЕР

КОСМИЧЕСКИЙ МУСОРЩИК

КНИГА 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИК МОНК

18+

Ник Монк

**Венера-Москва-Юпитер. Книга
третья: Космический мусорщик**
Серия «Венера-Москва-
Юпитер», книга 3

*<https://litres.ru/73878554>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Космос не признаёт границ земных цивилизаций.

Человечество вышло в космос, но лишь стоит на пороге взросления. Технологии открывают возможности и ставят новые рубежи ответственности. Орбиты Земли стали зоной баланса между инженерией, политикой и риском.

Александр Вихров — пилот нового поколения, прошедший путь от потери статуса до самостоятельного выбора своего вектора. Его дорога — серия решений, за каждое из которых приходится платить.

Во время миссии по расчистке орбит происходит событие без прецедентов: локальная операция запускает цепную реакцию, способную разрушить орбитальную инфраструктуру Земли.

Мир требует виновного. Система требует объяснений. Но реальность не подчиняется ожиданиям.

Вихров уже принял своё предназначение и действует, беря ответственность за последствия. Мир пока делает вид, что предназначения нет, продолжая борьбу за ресурсы, деньги и контроль. Но космос не прощает иллюзий — и очень скоро человечеству придётся стать тем, к чему оно ещё не готово.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ник Монк

Венера-Москва- Юпитер. Книга третья: Космический мусорщик

Пролог

Совет прошёл хорошо. Один за другим флаеры членов совета покидали Небесный дворец, как гости любили называть её дом, парящий над океаном в двухстах километрах к югу от атолла Вест-Пойнт. Высокая стройная женщина, одетая в длинное светлое платье до пола с широкими рукавами, скрывавшими её руки, проводила взглядом разлетающиеся машины, уносившие гостей кого на космодром Острова Рождества, а кого — прямо на континент.

Отведя взгляд от панорамного окна, хозяйка Небесного дворца повернулась к богато инкрустированному столику, на мраморной столешнице которого стояла керамическая шкатулка, накрытая силовым полем. Её наряд, украшенный непривычным узором, ловил блики от окружившего женщину серого прозрачного кокона, когда она открыла шкатулку. Плавным движением она достала ампулу, пульсировавшую

фиолетовыми и сиреневыми всполохами, и спрятала узкие ладони с тонкими пальцами в рукава, крепко сжимая драгоценный предмет. Повинуясь одному только её намерению, диафрагма двери скользнула в стороны, распадаясь по причудливому контуру цветочного орнамента и открывая гравитационную шахту.

Работа шла по плану, результаты её удовлетворяли. Слава единой Силе: этап, когда деление людей на расы тормозило прогресс, всё явственнее уходил в прошлое, и ему на смену приходило единое свободное общество, где стирались национальные, культурные и нравственные различия. Деление на расы, государства и семьи когда-то имело смысл, но сейчас, когда уже проделана такая огромная работа, осталось приложить совсем немного усилий, чтобы помочь человечеству покинуть Землю. Нехорошо, когда такая молодая и сильная энергия пропадает, прячась под защитой материнской планеты. Их цивилизация прошла длительный путь до приемлемого уровня развития, позволявшего приблизиться к обретению древнего знания.

Из шести клад — в терминологии генетической генеалогии — на встрече присутствовали пять. Сама она представляла шестую. Для гаммы Силы и её аккордов не хватало одной частоты, но она жила в седьмой гаплогруппе, всегда идущей наперекор. Ей не нужно было их согласие как таковое, но никак не получалось настроить их культуру и систему ценностей на нужную волну генерации энергии отклика.

Многочисленные эксперименты с носителями ДНК седьмой клалды ещё ни разу не дали биоэнергетический резонанс выше 17%.

Лифт доставил хозяйку парящего дворца на личный этаж, и стоило лепесткам кабины начать раскрываться, как три охранных дроида разлетелись по коридору. После короткой паузы за ними последовала и она сама. Издалека могло сложиться впечатление хрупкой беззащитности, возникавшее при взгляде на её талию, стройную даже на фоне узких плеч и бёдер. Лицо женщины, хранившее выражение спокойной задумчивости, высоко поднятая голова на изящной длинной шее, украшенной скромным ожерельем из неприглядного серого металла, так гармонизировавшего с обручем в её платиновых волосах, и прямая гордая осанка излучали скрытую мощь и силу.

Она не торопясь шла по коридору в направлении двух девушек, замерших в отдалении у небольшого ответвления, казавшегося тупичком. Движения их госпожи были плавными, так что казалось — она скользит над полом. По мере её приближения девушки церемониально сложили руки на груди, и их лица осветили радостные улыбки. Они слегка согнулись в приветственном поклоне, охваченные трепетом.

За их спинами растворилась дверь, и они покорно последовали за своей госпожой в блестящий белизной зал, в центре которого возвышался саркофаг регенерации, а рядом стояли две медицинские капсулы. Она тщательно отбирала

этих девушек и благодаря этому всего за два года смогла довести биоэнергетический резонанс до 98,5%.

Она могла позволить себе этот перерыв. Он был ей технологически необходим. Её биологическое тело даже испытывало что-то похожее на радость физиологического возбуждения. Сейчас их делу никто не мог помешать. Соперник, сбывшийся в информационно-энергетическую форму, заперт в параллельном континууме. А новая ветка контакта, вспыхнувшая чуть больше месяца назад, не успеет развиваться — она уничтожит её после обновления. Как, собственно, и все бывшие до этого.

Девушки с радостным благоговением разоблачили госпожу, аккуратно сняв и уложив украшения, освободили волосы от множества причудливых заколок. Не позволив коснуться себя, хозяйка упругим движением уложила своё жилистое тело на ложе саркофага и прежде чем активировать его, пристально посмотрела в глаза каждой помощнице. Девушки разделись и заняли свои места в медицинских капсулах, интегрированных с саркофагом. Сегодня она могла себе позволить позаботиться о теле.

Глава 1

Рывок. Уклонение. Ветка царапнула край правого уха. Перепрыгнул длинный куст кедрового стланика и оттолкнулся ногой от берёзового пенька, огибая заросли багульника. Пробежав несколько шагов вдоль ручья, который в ста метрах ниже терялся в непроходимой мари, я нашёл подходящее место, перепрыгнул ручей и начал подниматься на противоположный склон распадка.

Петляя между елями и пихтами, я старался не снижать скорость, и вскоре показались знакомые места. По правую руку росла ивовая рощица, за которой шла проложенная мной тропка на вершину горы. На середине подъёма лес стал чище, уступив место могучим лиственницам, среди которых всё чаще встречались прогалины, а то и вовсе поляны, напоминавшие небольшой луг. Бежать стало легче, но всё равно приходилось высоко поднимать ноги, чтобы не путаться в высокой траве. Обогнув дубняк, я выскочил на гребень древней речной террасы.

Куда хватало взгляда, передо мной в предутренних сумерках раскинулось бескрайнее серо-зелёное море тайги с серебриющимися прожилками рек и белёсыми от тумана пятнами болотистых марей. Воздух был наполнен ароматом хвои и смолы, а тишину нарушали лишь крики ночных птиц и несмолкаемый звон насекомых. Где-то там, впереди, на во-

стоке, текла река Пильда, а в ста километрах за ней раскинулось заповедное озеро Удыль. Разглядеть их отсюда, конечно, было нереально, но так, для полноты картины, представить можно.

Я огляделся и в ста метрах левее увидел цель своего забега. Старый замшелый и окаменелый пенёк — наверное, это было величественное дерево, которое когда-то в одиночестве росло на этой вершине. Пень, хотя это мог быть и не пенёк вовсе, а кусок породы, которому причудливая игра природы придала вид уютного постамента, имел ровную площадку, прятавшуюся на высоте в пару метров над землёй. Её-то я и облюбовал, когда первый раз сюда прибежал пять дней назад.

Здесь вполне можно было устроиться с комфортом, дожидаясь восхода Венеры, если бы не навязчивое внимание мошкар. Мазь, которую мне выдал дед Ефим, стекла вместе с потом, и, забравшись на своё место, я заново тщательно натёр лицо и руки. Резкий запах таёжных трав мне нравился и успешно отгонял кровопийц, роившихся вокруг меня с занудливым гудением. Постепенно дыхание выравнивалось, а монотонный, зловещий, ноющий писк стал отступать на задний план и превращаться в шелест ветра в листве, правда, с неприятным металлическим оттенком.

За время, что я гостевал на заимке у деда Ефима, у меня установился ритуальный распорядок дня. До рассвета, гонимый исследовательским духом, я бежал сюда, на Медвежий

трон, как его назвал дед Ефим. По местной легенде Хозяин Тайги раз в год, сидя на этом троне, разбирал споры своих лесных подданных. Обрести поддержку и решение своих проблем могли и люди, если придут с подношениями и вежливо попросят о помощи. Был только один нюанс — надо было застать хозяина тайги на этом месте. На второй день, возвращаясь в избушку егеря, я видел одного матёрого медведя вдалеке, на противоположном склоне, но даже не подумал останавливаться и уточнять, когда очередной день приёма.

После «сеанса связи», который стал ежедневным, я бежал три километра обратно и, ополоснувшись в реке, систематизировал наблюдения в специально заведённом для этого дневнике. Дальше в мои обязанности входила помощь деду Ефиму по хозяйству: дров нарубить, воды натаскать, грядки полить, животину почистить — в общем, ничего трудного. Зато потом был завтрак: свежее молоко с краюхой хлеба и мёдом — причём сколько угодно, хоть три литра выпей и весь каравай съешь. После чего дед Ефим исчезал на весь день, а я оставался на «дежурстве», как он выражался. Это вообще было его любимое слово из немногочисленного лексикона, которым он предпочитал пользоваться в общении со мной.

Я «дежурил» на грядках, в хлеву, на кухне, но меня это не задевало, а наоборот, как-то даже веселило. Справившись с нехитрыми обязанностями, оставшийся день я целиком по-

свящал подготовке к предстоящему переходу и воссоединению с аватаром.

С утра до вечера новостные каналы, блоги и подкасты не замолкали у меня в ушах, служа естественным фоном, как шум ветра или писк мошкары. Моей первоочередной задачей было погрузиться в информационный контекст так, как невольно погружается в него любой, кто живёт в той или иной стране. Чтобы немного разгрузить голову, я бегал по территории, загрузив себе виртуальные экскурсии по ключевым городам, так что Сеул, Пусан и Сунчхон я прошёл вдоль и поперёк, а в родном для Чжана Алсы Харбине действительно чувствовал себя как дома.

Особое внимание я уделял своему «домашнему заданию». Пётр Михайлович, учитывая, что мне предстояло устраиваться на работу в одну из крупнейших мировых корпораций, поручил мне изучить процесс подачи заявки, подготовить резюме и вообще разобраться с положением дел на рынке труда пилотов. Такого опыта у нас в Союзе не было совсем, от слова вообще, и этот процесс увлёк меня с головой. Стало понятно, что на рынке довольно много предложений от пилотов с налётом и мой аватар выглядел на их фоне откровенно бледно.

Не мне было оценивать риски найма звёздной корпорацией выпускника без опыта, но даже на мой неискушённый взгляд это выглядело по меньшей мере натянуто. Постоянно приходилось преодолевать внутреннее неприятие ситуации.

Отсутствие привычной и понятной системы толкало меня к безрассудным идеям. У меня в голове постепенно рождался дерзкий план. Мне попались рекламные объявления: пилотов с кораблём нанимали на срочные контракты по уборке орбитального мусора. С экономикой процесса предстояло разбираться, но этот путь в космос казался гораздо более коротким, да и на корабль «Хэтпита» попасть становилось гораздо легче.

Товарищу Сивкову я ничего не рассказал ни о своих видениях, ни о контакте с внеземным разумом, да и дед Ефим не задавал никаких вопросов о том, куда я бегаю по утрам. Старый лесник только странно на меня посмотрел, когда я его расспрашивал про местные достопримечательности и площадки с хорошим обзором. Я не смог скрыть своей заинтересованности, когда он рассказал о месте силы в трёх километрах от избышки, и очень надеялся, что мой суровый хозяин отнёс меня к спортсменам, увлечённым буддийскими практиками оздоровления, а не к мистифицированным эзотерикам. Было крайне нежелательно, чтобы это обернулось расспросами со стороны «внучка Пети», когда он в следующий раз прилетит.

На удивление спокойно и даже с каким-то внутренним облегчением хозяин таёжной заимки отнёсся к тому, что на третий день застал меня с чёрной шевелюрой и слегка окосевшим лицом. У меня возникло ощущение, что он этого чуть ли не с первого дня ждал и недоумевал, что русский па-

рень тут делает, отсвечивая своей рязанской физиономией. Медицинский модуль, который Пётр Михайлович на прощание выгрузил из багажника своего гравилёта вместе с красящим гелем для волос и нехитрыми пожитками для меня, провёл лёгкую коррекцию моей внешности.

Воздействуя на мимические мышцы лица и добавив какого-то филлера вокруг глаз, искин медблока добился сходства с моим аватаром, так что несколько дней мне пришлось проходить ежедневную закрепляющую процедуру, чтобы эффект сохранился на ближайший год-полтора. Теперь по утрам на меня из зеркала смотрел темноволосый азиат со слегка заострённым лицом, на котором под высокими бровями живо блестели тёмные раскосые глаза с короткими ресницами. Получилось так себе, честно говоря. Смазливый актёришка третьесортных сериалов для девочек-подростков и домохозяек. Аватар на фото в личном деле и то мужественнее выглядел, но медблок показал мне моделирование, как я буду выглядеть через два-три дня, и успокоил, что «глянцевость» пройдёт.

Куратор обещал вернуться через неделю, максимум дней десять, а на время своего отсутствия в довесок к «домашнему заданию» по трудоустройству поручил мне продумать план моих действий в новом амплуа — не будет же аватар сиднем дома сидеть. Здесь важно было соблюсти золотую середину и не выбиваться из созданного образа: не очень удачливый парень, начинающий пилот, который часами прово-

дит в рекрутинговых сетях, рассылая резюме, но ещё ни разу даже до этапа собеседования не добрался.

«Мой» предыдущий опыт выглядел печально: 454 отказа из 456 поданных заявок. Бедолага подавался даже на конкурс в штат личной яхты какого-то богатея из Американской Канады. Я усмехнулся, отвлекаясь от этих воспоминаний. Приближалось время, когда мой таинственный, или теперь уже скорее моя таинственная, визави должна была проявиться.

Утренние встречи длились примерно по 5–7 минут и сопровождались одним и тем же видением: мы облетали Венеру по орбите навстречу вращению, начиная с тёмной стороны, как бы приближаясь от Земли, выходили на солнечную сторону, огибали планету и входили в тень с другой стороны. Падающий силуэт человека мне больше не показывали, и энергетическое поле-кокон в атмосфере тоже не появлялось.

На освещённой Солнцем стороне планеты можно было различить две чётко выраженные границы яркости — до и после полосы терминатора. Плотная атмосфера Планеты бурь рассеивает солнечный свет и размывает линию перехода между днём и ночью, но когда я, как наблюдатель, выходил из этой размытой зоны на солнечную сторону, атмосфера уже не могла так заметно влиять на освещённость. В условной секунде полёта происходило едва заметное, но резкое снижение яркости, которое сохранялось почти до приближения ко второй полосе терминатора. А перед тем как снова погрузиться в размытый свет и покинуть солнечную

сторону, яркость таким же резким скачком возрастала.

Восстанавливая свои первые впечатления, я вспомнил, что сравнил наблюдаемый эффект с тенью от большого прозрачного зонтика, накрывающего всю солнечную сторону Венеры. Из-за этого солнечный свет словно достигал планеты без потери интенсивности только по краям, у самой полосы терминатора.

Существовало гораздо более простое и научное объяснение. Атмосфера Венеры, насыщенная углекислым газом и облаками серной кислоты, рассеивает свет, превращая линию терминатора в широкий градиент освещённости. При выходе из зоны рассеяния освещённость падает: исчезает «подсветка» от облаков, и остаётся более прямой, но менее интенсивный солнечный свет.

Казалось бы, можно и успокоиться — всё логично, но ощущения, посылаемые в видении, требовали обратить на это внимание.

Потратив несколько дней и загрузив свой наручный комм на максимум его возможностей, я упорно моделировал градиенты освещённости. Но разница, подчёркиваемая в видении ощущениями, на цифрах проявлялась даже не в сотых, а в пятом знаке после запятой. Это явно пренебрежимая погрешность моих вводных — ну, а что я мог смоделировать, сидя в теньке на таёжной полянке. Надо было признать — я не понимал, что неведомый разум хочет мне сообщить. И сегодня я собирался ему об этом дать знать.

Наше общение таковым можно было назвать только условно. Мне каждый раз приходилось расшифровывать свои ощущения. Каким-то образом собеседник транслировал эмоции, причём чаще всего они соответствовали моим знакомым ощущениям и вызвали узнавание состояния, которое и служило ключом к смыслу послания. Например, правильно подмеченная деталь в видении сопровождалась той самой вспышкой радости и охотничьего азарта, которую я испытал, найдя в лесу свой первый боровик. Тогда мне было лет пять, и отец первый раз взял меня с собой по грибы. Мы вышли рано утром в лес, «как взрослые», чему я был очень рад и невероятно гордился своей находкой. Так произошло, когда я первый раз посмотрел на перепад градиента освещённости как на задачу, требующую внимательного осмысления.

При этом изредка загадочная сущность сама присутствовала в разговоре, рождая у меня другой букет эмоций и ощущений, очень личный, если не сказать интимный. В нашем общении разум старался не злоупотреблять своим присутствием и не забивать мой эмоциональный фон, но когда он проявлялся, так сказать, от собственного имени, то у меня, без сомнения, всплывал женский образ. В эти мгновения я погружался в океан женской энергии, теплоты и душевной близости. Именно поэтому я всё чаще думал о собеседнице, как об особи женского рода. И именно поэтому, видимо, меня ни на секунду не покидало подозрение, что это успеш-

ный ход для манипулирования мной. Доверия, возникшего с первой встречи, это не подрывало, но заставляло оставаться бдительным и следить, чтобы гормоны не сыграли со мной злую шутку.

Стараясь сохранять концентрацию на внутренних ощущениях и держать сосредоточение вдоль линии, идущей от меня к Венере, я тем не менее услышал, а скорее почувствовал, как наступил утренний «час тишины»: смолкли ночные птицы, молчание природы не нарушали ни шелест листвы, ни крик зверя, даже бестолковые насекомые, казалось, загудели тише.

Перед моим взором стало проступать затейливое облачко, наполненное переплетениями и переливами красного, жёлтого и оранжевого, но с преобладанием богатой палитры синего. Постепенно в центре предполагаемой линии взгляда между мной и Венерой расцвёл протуберанец нежного розового цвета с синими прожилками. Я замер и приготовился.

Детское чувство любопытства и радостного предвкушения, когда открываешь красиво упакованную коробку с долгожданным подарком, сменилось огорчением, что в коробке оказалось не то, чего ждал. «Вот сейчас не понял!» — меня и рассмешило, и напрягло это чувство, пришедшее от «наложенных» эмоций транслированного сообщения. Пока было трудно понять: это так мне себя предлагается почувствовать или это собеседник так чувствует в отношении меня, показывая, что разочаровался.

Я припомнил своё намерение донести до неизвестного разума посыл, что буквально не нашёл в задаче неизвестного. Проще говоря: «В чём вопрос?» Чётко формулируя мысли, чуть ли не проговаривая их шёпотом вслух, я попробовал ещё раз пережить чувство озадаченности и удовлетворения от хорошо проделанной работы после того, как закончил моделирование градиента освещённости и не получил заметных результатов. К этому добавил осознание ограниченности своих возможностей и сожаление по этому поводу. Вырвалась мысль: «Вот бы мне на бортовой навигационной нейросети крейсера прогнать задачку». В ответ меня охватило приятное томление, как если бы я услышал серебристый смех понравившейся девушки, которую развеселила моя удачная шутка и она наконец обратила на меня внимание.

Видение возникло внезапно, как обычно, и в этот раз я оказался в узнаваемом розово-оранжевом коконе с тёмно-синими прожилками каркаса, который нёсся сквозь темноту непроглядного космоса. Постепенно ощущение скорости начало снижаться, и пришло понимание, что мы приближаемся к апогею какой-то неизвестной орбиты и сейчас будем разворачиваться — спустя мгновение так и произошло, и мы понеслись к планете. Проецируя масштаб увиденного на свой опыт, оценил «на глаз» угловые размеры, яркость диска, положение Солнца и прикинул дистанцию: орбита высокоэллиптическая, апогей в районе ста с лишним тысяч ки-

лометров, может, чуть больше. Орбита вытянутая, но ничего невозможного. На таких мы работали — курсантами выводили связные и разведывательные аппараты. На долю секунды между Солнцем и Венерой вскипело пространство, охватило гигантскую зону и исчезло, не вызвав никаких последствий.

Что это было? Ударная волна? Вряд ли. Явление мигнуло и пропало — скорее можно было подумать о статичном объекте. Хвост плазмы, обращённый к Солнцу? Вообще непонятно — граница явления была слишком вытянутой и ровной, и всё это больше напоминало вскипевшее поле.

Хвост солнечного ветра у Венеры есть, но он как раз с другой стороны. Магнитопауза? Плазменно-магнитная граница Венеры, ну, максимум на 60–70 тысяч километров от поверхности, а тут гораздо ближе к планете — 1,5–2 тысячи километров.

Наблюдаемое явление возникло и исчезло, но вызвало ассоциацию с поведением масляной плёнки на поверхности воды. Пространство изменило геометрию: пустота исчезла на мгновение и появилась поверхность. У неё не было толщины. Только поверхность. Мембрана?

Видение не прерывалось: мы продолжили полёт в знакомом и понятном космосе, приближаясь к Венере. «Ну ты это и нарисовать могла!» — я был настолько поражён увиденным, что не смог себя проконтролировать и выдал не самую вежливую реакцию. Мой эмоциональный посыл недоверия

и сомнения был считан мгновенно, и я словно бы получил дружеский подзатыльник. «Дурачок, что ли?» То есть на самом деле просто возникло ощущение неловкости, как после заслуженно полученного подзатыльника.

Я ощутил лёгкий стыд за свою несдержанность. Так захотелось потерять затылок, что я чуть не нарушил концентрацию и не потянулся рукой к голове. В памяти всплыло ещё одно воспоминание детства — ощущение досады, когда меня друзья звали гулять с улицы, а я только вернулся с тренировки и не успел сделать уроки. Видение исчезло, оставив ощущение, что я что-то упустил. В этот раз контакт не прервался резко, а постепенно угас. Ощущение несделанных уроков сменилось предвкушением, что мне надо потрудиться с полчасика и все уроки будут сделаны, а друзья — что? Друзья — дождутся!

Домой я бежал знакомым маршрутом, не глядя по сторонам, и если бы мне навстречу попался хозяин тайги, то, наверное, я его просто обогнул бы. Меня не отпускали мысли, что я что-то нащупал. Но что? Это «что-то» было мне знакомо — ответ лежал на поверхности. Но тут мне в голову пришла другая мысль, да так неожиданно, что я чуть не встал: «Где Перчинка?» Я настолько привык к ней, что абсолютно естественно воспринимал её присутствие и участие в сеансах связи с таинственной подругой Кари.

Мне всё больше импонировала версия, что неведомый источник энергии, находящийся, возможно, даже за пределами

нашей галактики, был очень хорошо знаком старому шаману и его внучке. Дед Кари давно поддерживал мистическую связь с этим источником. Позже он передал знания маленькой Кари и научил её входить в контакт, а та, со всей детской непосредственностью, подружилась с неведомым явлением, безошибочно распознав в нём родственную женскую душу.

Теперь я понимал, что их связь развивалась и была наполнена некоторым подобием общения, и это объясняло уверенность шамана, с которой он вёл племя два года к месту нашей встречи. Скорее всего, шаман следовал полученным из небесного источника «инструкциям». Да и реакция Кари указывала на то, что она была в диалоге со своей «подругой» и так или иначе получила одобрение моей кандидатуры для установления контакта.

А вот внезапное осознание, что и сама Кари называла её подругой, то есть признавала за внеземным разумом женское начало, меня очень порадовало — это снимало часть моих подозрений в отношении того, что мои гормоны и юношеское либидо являются источником того образа, который я сам себе же и выдумал. И как это раньше ускользало от моего внимания?

Перчинка появилась из ниоткуда, приземлившись у меня на плечо, и крепко вцепилась в куртку. Домой мы добежали вместе, только у речки остановились на десять минут, чтобы дать мне окунуться.

Дед Ефим привычно загрузил меня работой — сегодня

мне предстояло перекидать лежалое сено на новое место, и пока руки работали, голова продолжала думать. Не отпустило меня и за завтраком. Что-то лежащее на поверхности... Не образ — видение было слишком ярким и коротким, чтобы сразу стереться, тем более что к окончанию завтрака я уже успел его прокрутить несколько раз. Упускалось что-то другое: связка, термин, формулировка. Какое-то слово из тех, что сначала заучиваются до автоматизма, а потом уходят вглубь и всплывают только в нужный момент.

Я поймал себя на том, что машинально перебираю в памяти учебные курсы. Вспомнил, как сдаю зачёт по прибороведению. На зачёте мне достался вопрос по аппаратам, с которыми потеряна связь, но которые, по всем расчётам, находятся на стационарных орбитах. Вместе с ожившим воспоминанием о том, с каким нудным упорством я тогда воспроизводил характеристики, параметры аппаратуры и орбиты семнадцати аппаратов ИКИ АН СССР, я вдруг споткнулся на одной детали — аппараты, утерянные на орбитах ретроградных планет! Неожиданно пришло... «Вот оно!»

Активировав сохранившийся допуск в библиотеку училища, уже через минуту я листал архив миссий космических средств разведки и исследования.

Библиотека Краснознамённого, Ордена Ленина, Высшего командного училища Воздушно-космических сил Союза Советских Социалистических Республик России им. Юрия Гагарина.

Архив миссий АМС. Аналитические отчёты.
2074 год.

Перебрав с десятков отчётов, я наконец натолкнулся на
нужный:

Межпланетная автоматическая станция — «Вене-
ра-34/74».

Подразделение: ИКИ АН ССРСР.

Дата: 17.11.2074.

Гриф: внутренний аналитический отчёт.

Статус миссии: частично успешная / научно значимая.

«...В результате отказа маршевого двигателя аппарат был захвачен гравитацией Венеры на сверхвытянутую эллиптическую орбиту. Параметры орбиты привели к длительному пребыванию станции в области 0,4–0,5 радиуса сферы Хилла¹ планеты...»

Я замер и даже не сразу понял, почему. Просто почувствовал, как внутри что-то встало на место.

¹ Сфера Хилла — термин в астрономии, который означает границу пространства вокруг астрономического объекта, в котором он способен удерживать другой объект, несмотря на притяжение объекта, вокруг которого обращается сам.

«...Находясь вблизи апоцентра, аппарат зафиксировал устойчивое фазовое искажение параметров солнечного ветра над поверхностью планеты. Наблюдаемая структура не соответствовала известным моделям индуцированной магнитосферы и не могла быть интерпретирована как ударная волна или плазменный хвост...»

Я медленно выдохнул. По спине предательски пробежали мурашки.

«...Зафиксирован плоско-изогнутый слой, проявляющийся исключительно в интерференционных режимах наблюдения. Структура не обладала измеримой толщиной и демонстрировала устойчивость при изменении солнечной активности. Рабочее обозначение — мембрана...»

Слово было тем самым. Не вполне научным, но точным. Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Всё, что я видел тогда, в видении — апогей, тишина, внезапное «вскипание» пространства — легло на эти сухие абзацы без сопротивления, как деталь в существующий паз. Если мембрана возможна... Если она фиксируема приборами...

Выходило, что явление, которое я наблюдал, было зафиксировано аппаратным способом из точки максимального удаления. Аппарат находился в апоцентре сверхвытянутой орбиты, на расстоянии порядка 470 000 километров от

Венеры.

Что могло создать такой эффект? Что, если это явление формируется не планетой, а внешним фактором?.. Я открыл глаза и вернулся к чтению.

Отчёт содержал по этому поводу короткое сообщение:

«Анализ фазовых и траекторных искажений солнечного ветра указывает на наличие внешнего узла деформации потока, расположенного:

— вблизи границы сферы Хилла Венеры (оценка: приблизительно $0,95 R_h \pm 0,05 R_h$).

Источник:

- не наблюдается напрямую;
- не имеет фиксируемых параметров массы или излучения;
- проявляется исключительно через изменение структуры солнечного ветра».

В заключении содержались лишь косвенные выводы: «Планета выступает приёмником и экраном фазово-организованного воздействия, источник которого предположительно расположен на границе её сферы гравитационного влияния». Но даже это упоминание вкупе с моим наблюдением позволяло сделать вывод, что деградация атмосферы Венеры и наличие устойчивой «ряби» не могут рассматриваться как полностью естественные процессы.

Я поморщился — нас учили не верить в сверхъестественное и в инопланетян, по крайней мере, пока все научные методы не исчерпаны. Но уж слишком настойчиво напрашивался вывод. Хорошо, пусть не вывод — рабочая версия: «Наблюдаемое явление — не природный катаклизм, возникший как результат естественной эволюции системы или космической катастрофы. А следствие. Косвенное, опосредованное — но следствие вмешательства. Не обязательно намеренного. Но искусственного по своей природе».

Весь оставшийся день я ходил, погружённый в себя, осмысливая это открытие. Правильнее называть это пока гипотезой. Для меня это, конечно, было открытием, но совсем не фактом, что мировое сообщество признает справедливость гипотезы об искусственном происхождении мембраны. «А кто им скажет?» — я усмехнулся своим мыслям.

С запоздалым сожалением пришла мысль, что у меня же был заготовлен план на «беседу». Меня давно подмывало расширить список тем, на обсуждение которых хотелось пригласить иномирный разум, и первое место там занимал вопрос идентификации сущности. Мне казалось крайне важным понять, с кем я общаюсь: искусственный разум, живое существо или хотя бы его проекция.

Пока осторожность удерживала меня от форсирования таких эмоциональных посылов. Не хотелось уподобляться Ивану-царевичу, сжёгшему в порыве шкурку Царевны-лягушки. «Кстати, интересное предание — не указывает ли

оно на глубокие исторические корни таких контактов?» — сравнение меня повеселило, но вопрос оставался открытым: «Стоит ли попробовать завтра или дать ситуации развиваться по логике контрагента?»

Ещё одна проблема меня сильно беспокоила и ставила перед непростым выбором: делиться с куратором информацией об аномалии или нет? Было очень неприятно осознавать, что я об этом думаю больше из чувства долга или в силу воспитания. С момента первого контакта у Кун-Манье у меня не было даже сомнения, что об этом никто знать не должен. Но чем дальше развивались мои отношения с аномалией, тем больше я осознавал, с каким грандиозным явлением столкнулся.

Расскажи я куратору, и уже завтра корабль Академии Наук мчался бы на орбиту Венеры со мной на борту. Но было и то, что заставляло задуматься: «Почему наша наука молчит на этот счёт?» Либо подобное уже с кем-то происходило и засекречено, либо никакого развития не получило. Вот бы узнать хоть что-то на эту тему от небесной собеседницы: вступала ли она с кем-нибудь в контакт до меня? Хотя ответ почти очевиден: «Да». И это точно были шаман и его внучка Кари. Ну а кроме них? Вряд ли я такой исключительный.

Системный подход просто обязывал неведомую силу выстраивать несколько направлений поиска решения проблемы. А то, что перед моим визави стоит непростая задача, до конца мне ещё не ясная, но, очевидно, жизненно важная для

той стороны, уже было понятно.

Пока мой внутренний голос убеждал меня хранить тайну при себе, и немаловажную роль в этом играло простое соображение: «Узнают, что кот говорящий — заберут в лабораторию, на эксперименты». Становиться участником лабораторных исследований не хотелось: ведь тогда вообще вся жизнь под откос — сам себе не принадлежишь, а о покорении глубокого космоса придётся забыть — просто не выпустят. Но и другое было очевидно: если это правда — мне придётся идти туда.

Вечер принёс неожиданную новость: мой куратор прислал сообщение, что надо быть готовым завтра утром отправиться в путь.

Глава 2

Следующим утром, невзирая на риск, что куратор прилетит и не застанет меня, я всё же рванул на Медвежий Трон. Важно было исправить вчерашнее впечатление от моей недоверчивости и сообщить небесной гостье, что приблизился к пониманию её проблемы. Я собирался изо всех сил продемонстрировать доверие и готовность помочь, для чего по дороге пытался создать у себя соответствующий эмоциональный настрой. Перчинка привычно запрыгнула мне на плечо, бесшумно появившись из ночной мглы леса, и было попробовала пристроиться вздремнуть, но быстро оставила эти попытки.

До конца было непонятно, как мы общаемся с инопланетным источником энергии, который всё больше закреплялся у меня в сознании как живой женский образ: считывает она мои мысли или мы независимо обмениваемся эмоциональными посылами? Барышня на том конце провода явно обладала ограниченными возможностями в создании образов и старалась донести до меня смысл, отслеживая мои реакции и подкрепляя их соответствующим эмоциональным фоном, который, между прочим, она брала из моего жизненного опыта. Она явно пыталась разговаривать на «моём» языке.

Как она триггерила во мне такие точные отклики? Вполне обоснованно было предположить, что моя визави каким-то

образом чувствует меня. Мне же необходимо было передать ощущение окрепшей уверенности: я понял и всерьёз принял поставленную задачу — разобраться с природой аномалии в атмосфере Венеры. Для этого требовалось припомнить аналогичную ситуацию в своей жизни и воскресить чувства, которые я в тот момент испытывал.

Уже возвращаясь к домику егеря, я на бегу прокручивал наше общение шаг за шагом и не находил себе места из-за смазанной концовки. Вначале всё шло, как и было задумано. Послание состояло из двух частей, и первая прошла без сучка и задоринки.

Первая часть была сфокусирована на основной проблеме градиента освещённости солнечной стороны Венеры. Тут главное место было отведено чёткому перечислению фактов на случай, если моя визави воспринимает некие «образы мыслей»: во-первых, аппарат наблюдал мембрану; во-вторых, прослеживалась взаимосвязь гравитационной границы с плёнкой над поверхностью планеты по схеме «источник — объект воздействия». В конце я отдельно выделил ретроградное вращение планеты. Да, я рискнул включить это в перечень и предположить связь мембраны и бедственного положения планеты.

В итоге я использовал все техники, которые в голову пришли: мысленным шёпотом озвучил каждый пункт, дал чёткое название явлению, словесно описал подходящий пример — оптическая линза фокусирует лучи и нагревает объект,

представил схемы и сделал мысленный снимок экрана своего воображения, прокрутил в голове маленькое видео на манер видения. На словах не такое уж сложное, на практике это обернулось невероятно трудным делом, потребовавшим колоссальной концентрации и внутренней дисциплины, особенно если учесть, что параллельно я старался удерживать ещё и эмоциональный саундтрек.

На эмоциональном уровне я подкрепил трансляцию детским воспоминанием о том случае, когда тренер убедил меня системно заниматься спортом — «не из-под палки, а осознанно». Я от рождения был спортивным пареньком и категорически не понимал, зачем нужны все эти растяжки и упражнения. Тренировки на технику или, тем более, игровые — тут без вопросов, но нудные силовые или растяжки — увольте. Приняв его аргументы и доверившись опыту, я осознал всю важность «нудных» тренировок и изменил своё отношение к процессу вплоть до того, что начал сам вставать раньше по утрам и бегать кроссы, а вечером обливаться холодной водой.

Во время общения с таинственным разумом мне стоило большого труда не сбиться и сохранять фокус только на чувствах благодарности тренеру, радости и гордости тоже, конечно же, от своего внутреннего роста и удовлетворения от преодоления лени и несогласия, вызванного поначалу элементарным незнанием и отсутствием опыта. Собака была закрыта в том, что слишком близко толкались воспоминания о

том, как я свысока поглядывал на своих «ленивых» товарищей и испытывал чувство превосходства над ними — ведь они тогда ещё не доросли до серьёзного отношения к тренировкам. А вот именно это я очень не хотел транслировать.

Вторая часть послания была посвящена личным вопросам, если так можно выразиться. Закончив своё послание и получив в ответ волну радостного одобрения, я представил бутон энергетического цветка, распускающийся в пространстве между нами каждый раз, когда мы общались, и всеми способами транслировал вопрос-эмоцию: «Кто ты? Будет очень приятно познакомиться поближе!»

Может, я что-то напутал, или всему виной мой юношеский темперамент, но ответом мне была завеса девичьей стыдливости. Мне стало так неловко, как никогда не было. Вот как так получилось-то! Ведь ничего «такого» я не имел в виду... В общем — вляпался. Потом я откровенно запутался и поплыл: всё смешалось, и я просто фонтанировал смущением, подобающими извинениями и заверениями, при этом в голову, конечно же, лезли прямо противоположные картинки.

Моё послание в конце нашего общения о предстоящем отъезде и вовсе выглядело как позорная и постыдная попытка бегства. Мне было чудовищно неловко. Не успокаивал даже тот факт, что никакого осуждения со стороны виновницы моего печального положения не прозвучало, а напротив, даже где-то почувствовалась заинтересованность

узнать поглубже, в чём именно причина моего эмоционального всплеска. Это, в свою очередь, не добавило мне душевного равновесия, но неожиданно пришло понимание, что эта неловкость нас сблизила.

Завершился сеанс связи, как и вчера, плавно и очень душевно. Мне было подарено чувство нежного тепла и необыкновенной близости. Особенно приковала моё внимание заключительная нота радости и ожидания скорой встречи, которая принесёт много больше, чем прежде. Пришло чёткое осознание, что следующая встреча состоится, когда я буду в космосе. И опять это осознание проявилось через эмоции, которые я испытывал бы, возвращаясь на орбитальную базу из какой-то успешной миссии, а мной овладело бы предвкушение пары спокойных часов, когда я смог бы разобраться с новыми знаниями, почерпнутыми из нашего общения.

Как бы там ни было, это совпадало с моими планами, как будто она их прочитала в моей голове. Ещё вчера я принял решение предложить товарищу Сивкову нестандартный ход. Его мы раньше не обсуждали, потому что он родился за последние дни как результат моих размышлений над карьерным треком моего аватара. Я уже подбегал к речке у нашего дома, когда над головой в лучах восходящего солнца матово блеснул силуэт заходящего на посадку гравилёта.

Перчинка, завидев гостей, порскнула вперёд, оставив меня совершать водные процедуры в одиночестве. «Десять минут ничего не решат», — я уверенно скинул мокрую от пота

одежду и, спасаясь от оголтелой атаки гнуса и всякой прочей мошкеры, занырнул в ледяную воду. Это было спасением! И от мошкеры, и от смятения чувств, в котором я всё ещё пребывал. Если объяснить моё возвращение из леса утренней пробежкой труда не составит, то взволнованный вид и внутренние терзания вряд ли удастся списать на неудачный роман с медведицей. Задержавшись в воде дольше обыкновения, я выбрался, окончательно придя в себя, жёстко растёрся футболкой и поспешил на встречу с куратором.

— Здрав буди, добрый молодец! — чуть иронично приветствовал меня Пётр Михайлович, расставляя на столе во дворе нехитрые угощения к завтраку, среди которых аппетитно поблескивала свежим срезом палка сыровяленой колбасы. Он распрямился и придирчиво окинул меня взглядом, рассматривая новый азиатский образ, но комментировать не торопился.

Дед Ефим выносил из-под кухонного навеса самовар, пыхтевший еловым дымком через чёрную закопчённую трубу.

Перчинка по-свойски сидела на краю стола, терпеливо поглядывая на двух мужчин и всем видом показывая, что для себя ничего съедобного она тут пока не видит.

— Исполать, Пётр Михалч! Доброе утро, дед Ефим!

— Проходи к столу! Как раз самовар поспел! — егерь шурился из-за едкого дыма, попавшего в глаза, но заметил мои мокрые волосы и пятна на одежде. — Сходи только одёжу

поменей.

Я быстро переоделся и вернулся на двор, где все уже чинно расселись за столом и дед Ефим накладывал овсяную кашу в небольшие глиняные миски.

— Приятного аппетита! У нас сегодня английский завтрак! — пошутил Пётр Михайлович, подбрасывая в руке горячее варёное яйцо.

— Спасибо, взаимно! — я тоже подхватил из миски яйцо и постучал им о край стола.

— Налегайте, внушки. — Хозяин дома пододвинул нарезанную на доске колбасу, обтёр охотничий нож о рушник и спрятал в ножны на поясе. — К полудню дождь с грозой будет, с акияна идёт. Мне только-только на Рваный кряж успеть дойти. Если далеко лететь — не засиживайтесь. Ты, молодой, — на посуде дежуришь. Двери подоприте.

Выдав незамысловатые инструкции, старый егерь завернул в рушник ломоть хлеба с несколькими кружками колбасы, убрал в мешок и не стал долго рассиживаться — подхватил ружьё и ушёл.

— Как ты тут освоился, все окрестности обегал? — Пётр Михайлович поинтересовался будничным тоном, но глаза его хитро блеснули. Потом кивнул в мою сторону. — Сразу и мать родная не узнает — вылитый хань!

— Да, медблок выдал полное совпадение с аватаром в пределах допусков.

— Ну, так фирма веников не вяжет! Это хорошо! Базы

обновили, Чжан Алса уже едет к бабушке. — И он заливисто расхохотался, глядя на моё недоумевающее лицо. — Нет, это не секретный код, хотя, может, и стоит его ввести!

— Мы летим к моей любимой бабушке?! Ура, наконец! — я оправился от удивления и решил подыграть. Бабушка у Алсы была, по легенде, и жила она в маленькой деревушке на полпути между городом Сиань, отправной точкой исторического Шёлкового пути, и всемирно известным монастырём Шаолинь. — Какие гостинцы брать? Можно я ей мёду отвезу?

— Хватит дурачиться! — куратор, отсмеявшись, постарался перейти на деловой тон. — Через час вылетаем в Монголию, там передам тебя китайским товарищам. Поедешь в голомаске. Выходить будешь только по команде, а так тебя ждёт часов десять без еды и воды — нарушать маскировку не дадут. Точка стыковки намечена в окрестностях Линбао. Держи одноразовый комм. Как только его рамка засветится зелёным — ты в игре. И с этого момента абсолютно автономен и самостоятелен. Маску оставишь провожатым, а комм уничтожишь самостоятельно, закопай где-нибудь, только не под камерами.

Я покрутил в руках тонкий листок одноразового комм, размером в половину ладони.

— Он активирован?

— Нет. И не будет. Тебя интересует только зелёный контур. Видишь шов? Он засветится. Не пропусти — гореть бу-

дет пару минут. Свой комм сдашь мне здесь. Готов?

— Да, я пакеты сформировал для переноса, только перекачать осталось. Минут десять-пятнадцать понадобится. Могу приступить?

— А я тебе прошлый раз комм выдавал?

— Нет, — я замялся, понимая, что сглупил.

— Тогда к чему ты приступить собрался? — Сивков криво усмехнулся, а потом каверзно так на меня посмотрел и строго спросил: — Своим личным коммом озаботился?

Делать было нечего: отпираться — глупо, сознаваться — подписаться под провалом в начале карьеры разведчика-нелегала, что тоже глупо. Выдавать наличие у меня подарка от деда никак не хотелось, поэтому я выбрал наименьшее из зол и собрался рассказывать о жёстком накопителе, куда хотел перекинуть всякие вспомогательные курсантские программки, но врать, слава Богу, не пришлось.

— Вот так на мелочах и оговорках и сыпятся. Контролируй себя: сначала думай, потом говори. — Товарищ Сивков продолжал строго смотреть на меня, но настаивать на ответе не стал. — Если что-то есть — выкладывай сейчас на стол.

Он нагнулся к сумке, стоявшей у его ноги, достал маленькую коробочку, очень похожую на ту, что дал мне дед, и протянул её мне:

— Откроешь, когда загорится зелёный сигнал. До этого момента — нельзя. Геолокация сразу включится. Это наша новая разработка: комбинированный био-кремниевый пер-

сональный комм с привязкой к личностной матрице носителя. Заряжать не надо — питание от биоэнергетической ауры носителя, активация тоже завязана на ДНК и личную энергетическую матрицу. Выполняет все функции гражданского чипа и перехватит управление доступом ко всем гражданским, медицинским и социальным сетям Чжана. На комме установлен искин класса «Вундеркинд» с набором личностных матриц — может давать объективную и независимую оценку твоих действий. Пригодится, пока сам не освоишь послед-контроль.

— Послед-контроль — это когда перед сном весь день прокручиваешь?

Иногда я так делал, но ежедневной привычки не было. Попробую завести.

— Спасибо за совет.

— Да, либо интервально. Никогда не жалею на это времени — доверяй себе, но перепроверяй. — Он усмехнулся. — Не переживай, секрет твоего успеха в другом: в естественности поведения. Поэтому я и просил тебя подумать самостоятельно, что бы ты предпочёл делать на месте Чжана. С чего думаешь начать?

Я понял, что финальная репетиция началась, и решил отвечать максимально подробно.

— Моя задача — получить должность пилота, хотя бы второго пилота, на типовом шахтёрском транспорте корпорации «Хэтпит», который в январе следующего года, когда

откроется стартовое окно, отправится к верфям корпорации. В составе экипажа достичь верфей корпорации, расположенных в Главном астероидном поясе. Там зарегистрироваться во внутренней сети и обратиться в отдел кадров верфи с просьбой перейти к ним на работу. Пока руководство верфи корпорации «Хэтпит» рассматривает моё обращение, остановиться в гостиничном блоке станции. Ожидать, когда со мной свяжется начальник кадровой службы верфи «Китеж» — капитан первого ранга Муромец, и поступить в его распоряжение для прохождения службы в качестве пилота рейдового крейсера «Перун».

Верфи лишь номинально находились в собственности китайско-корейской корпорации «Хэтпит» («Луч солнца»), но на самом деле принадлежали Советскому Союзу, что открывало корпорации доступ к самым передовым технологиям, разработанным российскими инженерами. Часть доков формально управлялась корпорацией, которая не только занималась строительством грузовых транспортов и горнодобывающего оборудования для работы на астероидах, но и активно разрабатывала астероидные месторождения.

Это был один из самых строго охраняемых секретов государства. В доке «72», с кодовым названием «Китеж», расположенном в оптической и электромагнитной тени астероида М-53, завершалось строительство рейдера класса «Перун». Действовать ему предстояло под нейтральным флагом, ничем не выдавая принадлежность Союзу, поэтому и экипаж

формировался из нейтральных специалистов.

Его брат-близнец «Сварог» был не так давно введён в эксплуатацию на лунной верфи ССНР и готовился к активной научно-исследовательской программе в глубоком космосе за пределами Солнечной системы. В скупых упоминаниях официальных средств массовой информации проскальзывало упоминание, что некоторые эксперименты будут посвящены изучению физики гиперпространственных переходов.

Товарищ Сивков кивнул, когда закончилась вводная часть задачи, и выжидательно посмотрел на меня, потому что я на секунду прервался и активировал головизор комма, развернув его под удобным углом для куратора.

— Подавать заявление надо сразу, как локализуюсь: могут назначить испытательный срок, особенно с учётом отсутствия опыта работы у моего аватара. Надо признать — шансы невелики. Предложений на рынке много, и выбор в мою пользу, если таковой случится, для стороннего наблюдателя будет выглядеть однозначно предвзято. Догадываюсь, что мою кандидатуру будут вести от службы безопасности «Хэт-пит», но даже при этом есть риск получить если не отказ, то трудности при оформлении на работу. Поэтому предлагаю получить профильный опыт. — На экране высветилась страница одной африканской компании, которую я отобрал среди сотен частных компаний, промышляющих разовыми заказами в космосе: от вывода спутника до сопровождения грузов на Марс.

— Что это?! Космическая ассенизация? — Пётр Михайлович хотел улыбнуться, но улыбка застыла на его лице, а глаза выдавали напряжённую работу мысли. — Это же русская рулетка, там техника безопасности на нуле, а защита от радиации хуже, чем на рудниках! Что ты там будешь делать?!

— Расчистка орбит от космического мусора — высокооплачиваемый и постоянный бизнес. Уже сейчас нет отбоя от заказов. Человечество уже лет пять балансирует на грани эффекта Кесслера². — Столкнувшись с неожиданно отрицательной реакцией куратора я невольно стал распаляться, еле остановившись в шаге от того, чтобы это не стало агитацией. — Только на охране нашего орбитального лифта мы держим две эскадрильи постоянно. Каждый коммерческий взлёт и посадка — это заказ на расчистку окна. Это офигенная практика помимо всего прочего. Кто там отработал даже с десятков заказов — с руками отрывают, берут на работу не глядя!

— А без рук — выкидывают на свалку! И таких — большинство. Ты хоть понимаешь — что это за «би-зи-нес»?! — Последнее слово он особенно подчеркнул и как-то намеренно исковеркал. — Там утром чистят мусор, а вечером сбивают спутники конкурентов. Космические мусорщики — любимое орудие в руках триад и всех типов мафии, когда надо устроить «несчастный случай на орбите». Наши ВКС поте-

² Эффект Кесслера — ситуация, при которой плотность мусора достигает такого уровня, что столкновения становятся самоподдерживающимися, что делает дальнейшие запуски практически невозможными.

ряли только за этот год три спутника на запуске, и всё из-за непредвиденного столкновения с орбитальным мусором в только что расчищенном окне. А про корпоративные войны я и вовсе молчу — там хорошо, если половина до орбиты добирается. Поэтому они так стараются производство в космос перетащить.

Внезапно его пыл угас, и следующий вопрос он задал вполне мирным тоном:

— А как ты компанию выбирал? Почему эта «Аза... Азе-зе», хрен пойми что?

— Ну, во-первых, конечно, статистика по корреляции: количество заказов — выручка — выбытие/ротация пилотов. Во-вторых, на чём летают, что, в общем-то, связано с первым. В-третьих, условия для пилотов: сколько платят, рабочий режим, медицинская страховка. Ну, и, конечно же, отзывы. Эта компания в топ-десять по всем параметрам. И есть ещё одно очень важное обстоятельство, которое выделяет её среди выборки — они дают машину, а не требуют приходить со своей.

— И что отзывы?

— Пилоты после десяти вылетов уходят в отпуск с кучей призовых и прожигают жизнь на лучших курортах Луны, а потом опять — за длинным рублём, как у нас в старину говорили. Тут, видимо, за длинным е-коином. — Я равнодушно пожал плечами, хотя начинал догадываться, куда клонит товарищ Сивков. — Мне-то и надо налетать пару десятков

миссий для профайла.

— По глазам вижу, что начинаешь понимать. Вот же, ёж-кин кот! Секретарь комсомольской организации должен был собаку съесть в распознавании лживой пропаганды, а верит во всякую постановочную чушь! — Пётр Михайлович опять начал закипать, но старался держать себя в руках.

— Какая же тут пропаганда? — я не сдавался, глубже за-капывая себя в глазах Сивкова, судя по его изменившемуся выражению лица.

Да, я до конца не был уверен в правильности интерпретации финансовых показателей, признавая отсутствие элементарной насмотренности — не мог я читать между строк. Но на что-то же надо было опираться! И я продолжал напирать на построенную логику.

— Нас на экономике капстран учили читать финансовую отчётность: я проверил ту, что у них в публичном доступе на сайте. Всё прилично: капитализация компании растёт, потому что парк машин разрастается, заказов больше становится, а стало быть, и пилотов нужно больше. Похоронных выплат — почти нет, так, единичные случаи, а это их заставляют отдельной строкой в отчётности указывать. Да и вообще компания публичная, почти 10% рынка держит.

— Ну да, ты прав, пропаганды тут нет. Откуда ей тут взяться — ведь тут нет никакой политики, на этом-то уровне. Здесь только коммерция, чистый «бизнес». Так что это не грязная пропаганда, а такая чистая и милая реклама. —

Он прекратил ёрничать и с заметным усилием опять взял себя в руки. — Хотя идея шикарная, тут есть над чем подумать. Кстати, а что вам на капэкономике про кредиты рассказывали?

— Да вроде всё, что надо: для компаний — инвестиционные, оборотные, на ликвидность, а для физиков — там побогаче выбор, но тоже всё понятно. Лизинг опять же, как высшая форма финансовой деятельности, и тем и другим подходит. — Решил я отшутиться и особо не углубляться в эти дебри. — А что?

— Есть одна идея, но мне нужно время, надо её проработать. Давай разделим обязанности. Я пойду оргвопросы решать, а ты сейчас садись и выбирай компанию, которая пользуется технологией уборки орбитального мусора с привлечением манёвровых операторов. Давай отработаем сценарий: пилот приходит со своей машиной — и ты цел останешься, и делу поможем. Идея-то у тебя верная.

Он посмотрел на часы своего комм, прикинул маршрут до точки назначения и бодро закончил, вставая:

— Часа два у нас ещё есть до вылета, потом нагоним. Да, и убраться не забудь. Хотя, впрочем, не спеши с этим, я потом себе ещё чайку налью. Будем уезжать — в четыре руки быстро уберём.

Похоже, Сивков был прав, я даже не заметил, как подогнал модель под желаемый результат. Его предложение изменить мой план и проработать модель пилотирования в ро-

ли манёврового оператора было настолько смелым, что я его и не рассматривал. Ещё до начала поиска ответ был мне известен: будь у меня возможность выбирать, я бы взял «Клестанг-3». Эту модель я выделял из всех западных космопланов ещё со студенческих времён, и она отлично подходила для моей задумки.

Историю создания и развития «Клестанга», как и всех современных космических аппаратов, мы изучали в училище: он был разработкой одноимённого частного конструкторского бюро, которое лет десять назад пережило жёсткое поглощение глобальной звёздной корпорацией «Х-косм».

Первые «Клестанги» относились к редкому типу аэрокосмических систем, где инженерная мысль выжала максимум из технологий своего времени и даже опередила его, судя по тому, как органично вписывались в общую конструкцию усовершенствования отдельных узлов последующих поколений.

К сожалению, система термоизоляции космоплана, обладавшего элегантной аэродинамичной формой, не выдерживала многократных стартов и посадок на поверхность Земли. Зато по всем остальным параметрам это была настоящая орбитальная рабочая лошадка, и сотни «Клестангов» активно использовались при перевозках грузов к Луне и в строительном-монтажных работах в открытом космосе.

Последняя модернизация, выполненная конструкторским бюро Карла Лестанга незадолго до поглощения «Х-космом», вдохнула в корабль вторую жизнь. Новая серия получила

мощный плазменный двигатель, причём советской разработки, и порядковый индекс «№ 3». Получился надёжный корабль с неубиваемым ресурсом — а что мне ещё надо на орбитальной работе?

С этой серии началась эпоха массового освоения Марса, Главного астероидного пояса и орбиты Юпитера, что неизбежно привлекло к проекту повышенное внимание со стороны звёздных корпораций. Тогда ещё не существовало гибридных силовых установок с квантовым ускорителем, и разгон корабля до крейсерской скорости занимал до трёх недель. Конкретно «Клестанг-3» развивал крейсерскую скорость до 25 км/с относительно Солнца и мог проделать путь до Юпитера за восемь — десять месяцев. Его система жизнеобеспечения и многоуровневая защита от радиации были устаревшими, но весьма надёжными: водный контур, многослойная полимерно-металлическая оболочка и зачатки магнитных ловителей обеспечивали комфортный и безопасный перелёт экипажу из двух — четырёх человек до Юпитера и обратно.

Я был ещё мальчишкой и с упоением зачитывался книгами о космических приключениях и героических миссиях. В память врезался роман «Эльдорадо» о товариществе и взаимовыручке бесстрашных астронавтов, предводителем которых стал капитан Соло. Я его раз пять перечитывал, а когда по нему вышел снятый у нас сериал, мы в школе даже дрались за право быть капитаном Соло.

Но не только поэтому мои симпатии принадлежали «Клестангу». Он был настоящим героем эпохи начала освоения астероидного пояса: более половины пилотов доверили ему свои жизни на долгие годы, устремившись навстречу неизведанному в безрассудной погоне за богатствами космоса. Уже позже их отчаянный бросок в неизвестность стали уважительно называть исторической миссией человечества — «Эльдорадо».

Конечно, хотелось бы присмотреть что-нибудь из более современных моделей, типа американской «Акулы» или «Барракуды», которые относительно недавно стали оснащать плазменными двигателями с квантовым ускорителем. В современном флоте ВКС России большинство советских кораблей уже обладали гибридной квантовой силовой установкой, но эти модели были баснословно дорогими, а наших моделей в свободной продаже просто не было. Старые же «Бобы», наиболее близкие по классу к среднему транспортнику «Клестанг», до сих пор ещё выполняли работу тягловых лошадей, обслуживая орбитальный лифт и верфи. И это тоже склоняло мои симпатии к выбору «Клестанга».

Я не видел альтернативы «Клестангу», хоть это и пахло предвзятостью.

Пётр Михайлович ушёл в кабину гравилёта, развернув над ним направленную антенну спутникового фазера, а я вместо того, чтобы заняться его поручением, так и остался сидеть за столом, пытаюсь разобраться в своих пережива-

ниях. Тонкий листок одноразового комм, который оказался у меня в руках, вызывал приступ грусти. Я остро почувствовал себя одиноким. Всё это время я был занят подготовкой, реагировал на события, знакомился и общался с новыми людьми. Но по факту я сейчас ясно понял, что шаг за шагом терял свою жизнь, а что меня ждало впереди, было пугающе непонятным. Куда я лезу? Куда я сую свою голову?

Друзья по училищу и хоккейной команде ушли в прошлое, и свидимся ли мы когда-нибудь — неизвестно. Инга! При мысли о ней на душе стало горько. За суетой последних событий я всё реже вспоминал её смех. Ко мне вернулось чувство вины за её гибель. Товарищи по дисбату, бой в убежище, ранение. Их яркие образы и дружеская поддержка отзывались теплом, но уже из глубины воспоминаний.

Захотелось созвониться с дедом, написать письмо родителям. Это желание я старался подавить ещё во время разговора с куратором, но возникло оно сразу после того, как он предложил мне сдать мой комм. Останавливало только одно: что я им сейчас скажу? Мне надо пройти свой путь и вернуться.

Я усилием воли поднялся со скамейки и переместился на лавку у амбара, укрывшись в его тени от припекающих лучей утреннего солнца. Развернув визор, я подключил искин и вернулся к анализу клининговых компаний.

Со своей машиной на работу брали всего несколько компаний. Можно было напрямую взять подряд у аэрокосмиче-

ского агентства какого-нибудь государства или корпорации, но там требовались репутация и гарантии.

На рынке выделялось с десятков крупных частных орбитальных клининговых агентств, и почти все они были филиалами крупных экспедиторских и логистических компаний. Одна такая компания, «Blue Origin», что в дословном переводе означало «голубое происхождение» с намёком на избранность и исключительность, позиционировала себя как чисто женская. Пилоты, персонал, руководство и даже собственники состояли исключительно из представительниц слабого пола, хотя вряд ли кто-нибудь рискнул бы их так называть при личном общении.

Мне приглянулась филиппинская компания с греческим названием «Геракл», которое явно намекало на один из многочисленных подвигов героя по расчистке Авгиевых конюшен. У компании было несколько постоянных контрактов, в том числе по обслуживанию запусков объектов марсианской программы с японским космическим центром Утиноура, расположенным на острове Кюсю, и с космическим центром Наро, осуществлявшим запуски с площадки на южнокорейском острове Венародо.

Там же, на Венародо, располагался их командный центр управления полётами — компания арендовала часть мощностей космодрома, оснащённого новейшими системами оптического и радиоконтроля полёта ракет и спутников.

В составе постоянного флота аэрокосмической клининго-

вой компании было пять крупных орбитальных носителей. Находясь на высокой орбите, они выпускали манёвренных операторов, которые, в зависимости от типа мусора и решаемой задачи, расчищали заданный сектор орбиты. Наличие нескольких краулеров позволяло оперативно расчистить окно за час-два до старта, что значительно повышало вероятность успешного пуска и снижало риск отложенных повреждений запускаемого аппарата при дальнейшем выполнении миссии.

Я отвлёкся от анализа и постарался представить себя в реальной обстановке, когда мне придётся встать на орбиту движения мусора и на меня навалятся десятки и сотни целей, различающихся по массе и скорости движения. Какие-то, преимущественно мелкие, можно пробовать уничтожить плазменным разрядом, а крупные — либо захватывать в магнитную ловушку, либо сбивать с орбиты кинетическим ударом. Работа не из простых. Подумать только — реальная боевая нагрузка в мирное время! Риск приятно зашекотал нервы, подбросив адреналина. Захотелось себя проверить на прочность, но это были «неправильные пчёлы». Риск был колоссальный! Мысль о неизбежном ремонте корабля после таких «схваток» отрезвила лучше утреннего купания в речке у дома.

Возвращение на бренную Землю остудило мой пыл, заставив его уступить место трезвому расчёту: предстояло прикинуть экономику процесса, и я начал набирать вводные для

построения бизнес-плана. Искин быстро накидал форму, мы согласовали структуру и стали наращивать мясо. Тут я себя чувствовал максимально неуверенно — мне проще было оценить инженерку, но она сама неожиданно вышла на первый план. Я более-менее уверенно расставил технические допуски режимов эксплуатации, износ, частоту замены запчастей и плановых ремонтов, а искин, собрав цены на работы, товары и услуги, перевернул всё в цифры. Получалось понятно даже мне.

За один такой вылет, длившийся до восьми-десяти часов, пилот мог заработать на своей машине от 300 ЕК до 700 ЕК — как повезёт с контрактом, в зависимости от насыщенности сектора и количества пересечений орбит. Цены давно устанавливались в е-коинах, и на национальные валюты никто внимания не обращал, особенно в космосе.

За год интенсивных полётов, совершая по десять вылетов в месяц, пилот мог заработать несколько десятков тысяч е-коинов. Это были очень приличные деньги: средняя зарплата выпускника престижного вуза редко начиналась с 100 ЕК в месяц. Даже в крупном городе можно было прожить месяц на 50–75 ЕК, если не шиковать.

Но тут начинались свои тонкости, частично уже по моему профилю: расходники на каждый вылет — а вот страховка ответственности и рейтинговые сборы... Хорошо, если чистыми на руки оставалось 200–250 ЕК с вылета, но и тут надо думать о ремонте, неизбежном при таком характере работы,

— значит, придётся откладывать и копить. Из оставшихся денег надо будет рассчитываться за покупку машины. Получался, даже навскидку, очень напряжённый график работы. Но детали зависят от конкретной машины и условий сделки.

Я погрузился в изучение типового контракта и расценок на страховку и допуски, опубликованных в общем доступе на сайте «Геракла». Картина получалась не такая уж и простая: требования к машине и пилоту в компании были очень жёсткие.

Вооружившись перечнем требований к аппарату манёврового оператора, я начал разбирать объявления на бирже космической техники и услуг. Вариантов была масса, и вновь пришлось всюю задействовать мощности персонального ис-кина. Он на удивление неплохо справился с незнакомой задачей, завязанной на рыночные цены космических аппаратов, стоимость комплектующих, ремонта и условия финансирования покупки. У меня с непривычки от всего этого голова шла кругом.

Купить «Клестанг» получится только в кредит, а для этого требовался первоначальный взнос. Экономика пока не складывалась, и я решил временно отложить финансовую сторону вопроса, сосредоточившись на техническом состоянии и комплектации космического корабля. К концу второго часа у меня было несколько вариантов бывших в употреблении космолётов, которые проходили сито клининговой компании по техническим параметрам и вписывались в мой биз-

нес-план.

За этим делом и застал меня товарищ Сивков, вернувшийся из кабины своего гравилёта, где он решал оргвопросы. Наливая себе чай, он делал отрывистые, резкие движения руками — видно было, что нервничает, хотя и пытался держаться собранно. Он протянул мне накопитель, чтобы я сбросил подготовленный массив данных со своего комма и подготовил комм к сдаче. Я торопливо добавил результаты последнего поиска и анализа космолётов и запустил копирование. Пришло время вылетать.

Глава 3

Мы оперативно загрузились в гравилёт, наведя за собой порядок и подперев брёвнышками двери, как просил хозяин. Расположившись на пассажирском сиденье рядом с водителем, я собрался деактивировать комм и убрать его в экранящий сейф, когда Пётр Михайлович жестом остановил меня:

— Погоди немного. До Монголии терпит. Нам надо ещё детали обсудить. Твою идею сочли перспективной и поддержали наверху. Мне, конечно, нагоняй прилетел, что в последнюю минуту всё меняем, но такая уж у нас работа.

Он слегка вымученно улыбнулся, но уже спустя секунду повернулся ко мне и ободряюще подмигнул. На панели визора бортового комм гравилёта отобразилась карта с маршрутом полёта, и куратор тихо выматерился себе под нос. Я тоже впечатлился: южное направление было закрыто плотным грозовым фронтом, и нам, чтобы не опоздать, придётся прорываться сквозь бурю. Дед Ефим оказался прав: может, до заимки гроза и дойдёт только к полудню, а вот то, что она уже перекрыла наш маршрут, он знать не мог.

— По краю грозового фронта до Читы, а там на юг свернём? — предположил я, глядя на динамический прогноз погоды.

— Да, потрясёт немного, но должны успеть, если на север

нас не отеснит. Пристегнись. — С молодецким лихачеством Пётр Михайлович резко взял с места и ввинтил гравилёт в небо, мгновенно набрав гражданский эшелон.

Перчинка такого рывка не ожидала и с возмущённым писком слетела с плеча мне на колени, оставив длинную царапину на куртке.

Не отвлекаясь от управления, Пётр Михайлович принял-ся пересказывать суть того, что мне предстояло. По понятным причинам купить «Молнию», советский орбитальный космоплан, шансов не было никаких. КБР «Молния» — корабль быстрого реагирования серии «Щит», потомок исторической линии «Буран» — «Буря», конечно, был эталонном москитного флота: многофункциональный, манёвренный, оснащённый квантовым ускорителем и современной «Пелеринкой» радиационной защиты.

Предварительно мой ход с наработкой профессионального опыта и репутации на орбите одобрили, сейчас аналитики прорабатывали детали логистики, рынок подержанных аппаратов, оптимально доступное оснащение для «мусорщика», схемы финансирования. После этого операцию со всеми деталями должно утвердить руководство, и мы получим подробные инструкции. От меня требовалось срочно предоставить референсные ссылки на аппараты, которые, по моему мнению, подходят для этой миссии. И я тут же скинул выборку «Клестангов».

Основные этапы плана уже были понятны. Брокер, с ко-

торым «мы», а это местоимение Пётр Михайлович выделил голосом, сотрудничаем, работает на Танзанийской космической бирже. Мне надо будет прибыть к нему в офис. От проверенных партнёров он получит рекомендательное письмо и подтверждение обеспечительного депозита для оформления кредита. Брокер выдаст поручительство и поможет оформить кредит, но брать мне его придётся в любом случае на себя. Также мне придётся оплатить первоначальный взнос, обычно от 10 до 25 процентов суммы сделки. Получалось, что мне надо будет иметь на руках от 20 до 40 тысяч е-коинов, если одобрят покупку какого-либо корабля из моего списка.

Я тут же полез в бизнес-план, моделируя выплаты по кредиту в зависимости от стоимости корабля и размера первоначального взноса. Покрутив цифры, я понял, что летать надо в режиме «десять вылетов плюс» ежемесячно и без отпусков, чтобы рассчитаться за корабль хотя бы лет за десять. Ставку я взял самую щадящую — 5,75 % годовых. Её предлагал глобальный банк цифровых расчётов (Digital Clearing Bank). Это был главный и крупнейший банк, отвечающий за эмиссию е-коинов, ещё со времён, когда крупнейшие корпорации мира, формирующие топ-500, провозгласили е-коин как универсальное средство расчётов более сорока лет назад.

— Пётр Михайлович, а почему нет ни одного нашего корабля в свободной продаже? Про «Молнии» я не говорю, но вот купить даже подержанного «Бобра» было бы и недорого,

да и надёжно, — решился я отвлечь своего сопровождающего от управления. — Неужели мы через подставных ничего не продаём на внешний рынок?

— А зачем нам это? Все корабли для стран-союзниц передаются в пользование в обмен на конкретные активы или там права на разработку месторождений, например. — Он удовлетворённо кивнул, бросив взгляд на визор панели управления, и поставил автопилот. — Тем более что корабль всегда привязан к нам контрактом на обслуживание.

Он проверил сообщения от диспетчера полётов и спокойно развернулся ко мне. Машину трясло хуже, чем на просёлочной дороге, но мы уверенно преодолевали сопротивление грозового фронта.

— Что над золотом чахнешь? — спросил он, заглядывая ко мне на визор.

— Да, вот, не выходит цветок каменный! — я характерно поднатужился на последних словах, чем вызвал его улыбку.

— Саш, вообще-то ты дико выглядишь, когда шутишь наши шутки в этой своей азиатской внешности. — Он улыбался, но глаза его были серьёзными. — Будь аккуратен. Манера шутить — очень о многом говорит знающим людям. Для тебя, наоборот, хорошо, что наших моделей на рынке нет. Представляешь себя за штурвалом родной машины — тебя срисуют ещё на этапе предполётной проверки корабля. Ну, показывай, что там у тебя не сходится.

— Рассматриваю вариант взять кредит по программе для

индивидуальных предпринимателей от DigCB. Я автоматически попадал в эту программу, получая патент капитана с момента приобретения собственного корабля. И всё же, неужели Союзу не нужны е-коины? Наши корабли пошли бы на ура, я даже не говорю о передовых инженерных решениях вроде «Пелеринки», а производственные мощности удовлетворили бы любой взыскательный спрос!

— А зачем удовлетворять спрос? Что это и кому даёт? — Сивков хитро на меня посмотрел, приглашая к дискуссии.

— Люди хотят обладать возможностями, которые дают вещи. Сотни тысяч людей поднимутся в космос, он станет ближе, доступнее.

— Да, космос станет бытовым, люди начнут там жить. И это обязательно случится. — Куратор кивнул, соглашаясь с моей мыслью, но потом продолжил: — Но это надо подготовить, а не просто выпустить людей в космос на условно безопасных кораблях. Мы можем и сейчас дать тысячи кораблей и научить людей технике безопасности. Без денег. Что ты думаешь по этому поводу?

— Звучит как-то несправедливо с позиции простого человека: кто-то может, но по каким-то соображениям не даёт. И это, кстати, льёт воду на мельницу денег. Тот, кто готов рискнуть, находит эти самые е-коины и выходит в космос, не дожидаясь, скажем, вашего решения! — Я заинтересованно посмотрел на Сивкова, ожидая ответа. Мой пассаж даже мне самому понравился. — Это про самостоятельность лично-

сти, про свободу, о которой так любят говорить на Западе.

— Верно, всё верно! Но есть одно «но». Уверен, ты и сам его понимаешь. — Сивков проверил показания приборов и вернулся к разговору. — Твой тезис про обладание вещами ради возможностей очень правильный, но нужна важная деталь, иначе это превращается в пример, когда сотни тысяч женщин чувствуют себя королевами, одевая бриллиантовые серьги или кольцо. Но они не становятся королевами. Может быть, в своих глазах или в глазах любимого мужчины — да, но плохо, если для этого обязательно нужно драгоценное украшение, хотя и не осуждаемо. Так и с космосом — надо быть действительно готовым там жить, и не ста тысячам, а всему человечеству. И наш народ, наша страна это доказывают делом: орбитальный лифт может построить только коллектив единомышленников и не ради денег. Не зря для этого потребовались усилия всего народа и ресурсы всей страны.

— Хорошо, это понятно! Но чего для этого не хватает? Вот яркий пример — миссия «Эльдорадо». Храбрецы, раздвинувшие границы человечества. Если мы выпустим на рынок сотни тысяч кораблей, появятся новые пилоты и новые смелые прорывы!

— Ты говоришь так, как будто проблема освоения космоса решается доступностью кораблей. Я не ошибаюсь? — Сивков не переставал улыбаться, и в его глазах недвусмысленно блеснуло превосходство. — Ты, который жизнь решил связать с космосом, который учился и знаешь о космо-

се больше любого, как ты сам сказал, «простого человека» в сотни раз?

Опять он меня переиграл.

— Признаю. И не хочу недооценивать важность знаний и глубины понимания того, в какой среде и что ты делаешь. — Я выдохнул. — Космос заберёт больше половины «бытовых космонавтов». Нужна цель, оправдывающая риск, как у астронавтов «Эльдорадо»!

— Да, это ты верно подметил. А цель — всегда подготовка. И вот уже перед нами не «простой человек», а профессионал, выращенный системой. Иначе цена будет ужасно высока. — Сивков кивнул. — Но и тут я с тобой где-то согласен. Для многих чувство свободы принятого решения важнее жизни. Но это кажущаяся свобода. Каждый, обретающий возможности вещей за деньги, становится не свободным. Эти самые деньги начинают управлять «его» вещью, его логикой принятия решений и выбором цели её применения. Подумай об этом.

Нас изрядно кидало всю дорогу порывами ветра, невзирая на то, что удалось получить разрешение диспетчерского искина забраться выше уровня кучевых облаков. Тем самым мы срезали часть пути и получили тридцатиминутную передышку перед границей с Монголией. За разговором мой куратор уже получил файл с инструкциями, и мы приземлились у небольшого придорожного кафе, не долетая пяти минут до пункта пропуска «Верхний Ульхун».

Гравилёт опустился на краю посадочной площадки, и Пётр Михайлович пошёл за кофе, пообещав сделать хотя бы килограмм корма для моей питомицы, если удастся уговорить хозяев пропустить к кухонному комбайну. Я вышел размяться и, подчиняясь жёсткому наставлению не лезть под камеры, решил проверить ближайшие кустики — на дорожку, так сказать. С этого момента начинался отрезок пути, на котором от меня мало что будет зависеть. Так что я даже от кофе решил отказаться, по зрелом размышлении.

Получив пакет с выпечкой, банку корма для Перчинки и бутылку воды, я устроился на лавочке за деревянным столом напротив куратора, который с удовольствием пил кофе с булочкой и внимательно просматривал файл с инструкциями. Прежде чем начать обсуждение, он обновил мой накопитель, вернул мне и только теперь повесил визор так, чтобы мне тоже было видно.

— Тебе одобрили лимит на покупку «Клестанга». Под лимит проходят два аппарата из отобранных тобой, и добавлены ещё три по выборке наших аналитиков. Это изучишь в спокойной обстановке. На руки тебе выдаю деньги на первый взнос. — Он протянул мне пластиковую полоску одноразового криптокошелька, которую я защёлкнул вокруг запястья. — Здесь 25 000 ЕК, ещё останется на оплату комиссии брокеру, регистрацию аппарата и расходники на первый вылет. Твоя китайская лицензия пилота там котируется нормально. Дальше — сам и своей головой. Зря не рискуй. На

перелёты и на первое время тебе должно хватить денег на комме. Необходимые документы и авторизации там же. Ну, ты помнишь, когда и как активировать.

— Если всё пойдёт хорошо, то я получу место на транс-портнике и улечу в Главный пояс. Как быть с аппаратом? — задал я мучивший меня с самого начала вопрос.

— Оставишь на парковке в орбитальном ангаре корпорации, а с зарплаты будешь дальше платить кредит, если потянешь. — Он ухмыльнулся, явно давая понять, что с зарплаты пилота кредит не потянуть. — Рабочий вариант: сдать аппарат брокеру обратно — он его выставит на бирже и погасит часть кредита от продажи, только предупреди его сразу, что возможно досрочное погашение кредита. На тебе останется разница, но её погасить за пару-тройку лет вполне получится. Этот вопрос мы позже урегулируем с брокером через поверенного, который предоставил обеспечительный депозит. Там всё отлажено.

Я ещё раз прочитал адреса и пошаговую инструкцию. Мне надлежало связаться с Анджаном Шахом, чей офис находился в Маскате, столице Султаната Оман. Как он ведёт дела на Танзанийской бирже, мне только предстояло выяснить, когда активируется мой новый комм и я загружу на него заархивированные данные с накопителя. С фотографии на меня смотрел араб с аккуратной седой бородкой и открытой доброжелательной улыбкой, в традиционной кумме³ на го-

³ Кумма (kummah) — традиционный национальный головной убор Омана,

лове. Петр Михайлович пролистнул файлы и на визоре появилось сначала рекомендательное письмо, а потом и банковская расписка с обеспечительным депозитом на имя господина Шаха.

Закончив разбираться с документами, я забрался в машину и нашёл на заднем сиденье новый рюкзак с повседневной одеждой, среди которой обнаружил два комбинезона пилота со споротыми нашивками. На мой немой вопрос товарищ Сивков ухмыльнулся и ответил:

— Вполне аутентичные вещи, между прочим. Твой аватар имел все шансы их заполучить, когда учился. Это дубликаты комбинезона пилота совместной советско-китайской миссии к астероидному поясу на первых «Молниях» с квантовым ускорителем. Наш техотдел их проверил и слегка модернизировал, но с этим ты позже разберёшься. Поверь — тебе понравится.

Я благодарно кивнул, достал из спортивного рюкзака и переоделся в тёмно-синий китайский хлопковый костюм и спортивные туфли, а на голову нацепил кепку с любимым китайским иероглифом «счастье». Теперь все дела были завершены, и я сложил свои вещи в старый рюкзак, а в новый переложил только выпечку с бутылкой воды и незаметно сунул дедушкин комм, завёрнутый в сменную футболку, рядом с трофейной астробией. Светить ей перед Сивковым

мужской элемент национальной одежды. Это круглая шапка из плотной ткани со сложной вышивкой, которая обычно делается вручную.

я тоже не собирался и поймал себя на мысли, что как-то уже много тайн собирается, а самостоятельный путь ещё даже не начался.

Немного поколебавшись, я оставил на шее шнурок с крестиком и камушками от старого шамана. Во-первых, их не видно, только кожаный шнурок, а во-вторых, это не противоречило досье Чжана Алсы. А вот жетон пришлось снять. С молчаливого одобрения куратора я оставил на руке механические часы — подарок отца, спрятав под их ремешком пластиковый браслет одноразового криптокошелька. Вот и всё.

Дальше мы летели в полной тишине, каждый сосредоточившись на своих мыслях. Границу преодолели без остановок — сработала специальная идентификация моего сопровождающего, и под нами раскинулось живописное море степи.

— Всё же, Пётр Михайлович, — решил я вернуться к разговору, полюбовавшись видами за бортом. — Как вы думаете, в чём ловушка? Наша страна действительно способна произвести сотни тысяч кораблей и продать их за хорошую цену. Нам что, настолько деньги не нужны? Если мы такие умные и благородные, то на эти деньги и сможем вырастить профессионалов из простых людей. Есть спрос — надо воспользоваться.

— Спрос слеп и амбициозен, а ресурсов мало, особенно людских. Удовлетворять спрос ради максимизации прибыли — это как жрать ради проглатывания. Мы и растим профес-

сионалов. А деньги? Те же е-коины — они у Внешторга есть, но минимально. Видишь ли, деньги — это не только средство расчётов. Это давно стало инструментом власти и контроля. Думаешь, просто так крупнейшие корпорации мира на Канберрской конференции 2045 года объявили о создании единой расчётной системы и ввели е-коин? Им и так принадлежали энергетические, добывающие, промышленные, аграрные, логистические и информационные комплексы, контролировавшие критические ресурсы и инфраструктуру почти всей мировой экономики, тогда зачем?

На одном из занятий по экономике капиталистических стран лектор скучным голосом объяснял нам, что к середине XXI века мировая капиталистическая экономика столкнулась с системным противоречием между глобальным характером производства и национальной природой денежных систем. Теперь, когда я начинал чувствовать, как это работает в жизни, буквально на своей шкуре, скучная лекция заиграла совсем другими красками.

— Это был грамотный манёвр, чтобы уйти из-под контроля государств и национальных политиков. — Я поднапрягся и воспроизвёл кусок из лекции: — «Производственные цепочки, энергетика, логистика, обработка данных и научно-технические комплексы давно вышли за рамки государственных юрисдикций, в то время как эмиссия денег, валютное регулирование и финансовые риски оставались привязанными к государствам».

— Ты ещё скажи, что благодаря этому удалось снизить транзакционные издержки, избежать валютной нестабильности и повысить эффективность реального сектора. — Сивков пренебрежительно хмыкнул. — Ты в суть смотри, а не штампами шпарь. Хотя в одном ты прав — им удалось вывести реальный сектор из-под контроля государств и снять с себя любые социальные обязательства перед их населением. Посмотри — сейчас в западном капиталистическом мире живут хорошо только сотрудники корпораций, а остальные — существуют.

— Скоро мне предстоит в этом убедиться на личном опыте, если я не устроюсь на работу или не придумаю, как быть с кораблём. — Я кинул взгляд за окно, прокручивая в голове наш разговор и выстраивая свою стратегию в мире расчёта и наживы. Даже морально адаптироваться к этому требовало времени.

Северная Гоби очень красива, особенно в это время года, когда жара ещё не спалила сочный цвет высокого разнотравья. Где-то там внизу весело и беспечно посвистывали сурки и на необозримых просторах паслись тучные стада сайгаков, пугливые стайки дзеренов и табуны лошадей Пржевальского. Долго любоваться видами у меня не получилось, тем более что очень скоро эта красота сменилась каменистой засушливой степью, переходящей в пустыню.

— Давай, заканчиваем политинформацию, изучи отчёт наших аналитиков и дай мне обратную связь, что там наши

вундеркинды понапридумывали. — Сивков подтолкнул меня к реальным задачам, видя мою задумчивость.

Я загрузил отчёт аналитиков по машинам на бортовой комм и, пользуясь персональным визором пассажирского сиденья, углубился в разбор характеристик. Незнакомые мне ребята из группы аналитиков проделали отличную работу, и в моём распоряжении оказалась полная история вылетов и ремонтов, перечень вспомогательных и второстепенных систем, когда-либо установленных или демонтированных с космопланов. Отдельным разделом шли справки по владельцам и пилотам, работавшим на машинах.

Машины, которые часто меняли владельцев и переходили из рук в руки чуть ли не каждый год, я отбросил, хотя формально придраться к техническому состоянию было нельзя. Вопреки здравому смыслу моё внимание уже который раз привлекало одно частное объявление на «доске Земля-Луна»: продажа напрямую от владельца, не через биржу. И в этом была проблема — проверка сертификатов всех систем, допусков и лицензий ложилась на мои плечи при покупке, а я в этом по западной системе не просто «ноль», а ноль с минусом.

Другая проблема была в том, что аппарату было столько же, сколько и мне, — двадцать пять лет. Это была старейшая модель из всех отобранных мной и аналитиками. Справедливости ради надо прямо сказать, что эта машина попала в список прямиком из моего файла. Аналитики предлагали

машины не старше десяти лет и, наверное, вовсе не стали бы её рассматривать, если бы я сам не предложил. Но было, было в ней что-то, что меня цепляло.

Во-первых, хозяин — сам пилот, он пролетал на этой машине всю жизнь, и на его руках проходили все ремонты и модернизации. Фриц Гердт, европейский немец, пожилой, уже за восемьдесят. По молодости служил в Люфтваффе лётчиком-истребителем. Образование инженерное — работал на лунных баварских верфях, потом переквалифицировался в пилоты.

Во-вторых, модернизация. Проведена она была десять лет назад, но зато какая! Не знаю, как он договорился, но сделали её на наших верфях — ЗОВ СССР (Земные орбитальные верфи Союза)! Наверное, работал тогда с нами по контракту, правда, аналитики тоже обходили этот момент стороной в своей справке. В объявлении стояли такие знакомые и понятные названия — аппарат получил шикарный, по тем временам, конечно, набор:

Силовая установка и энергетика

Двигатель: «Вектор ЭМ»; тяга — 8 Н, мощность — 3 МВт, удельный импульс — 40 000 с.

Реактор: малый модульный «Темп-530 ЭМ»; мощность — 3,5 МВт.

Лепестковая радиаторная система: площадь — 80 м².

Да, движок и реактор в экспортном исполнении — это минус: там процентов двадцать, а то и все тридцать мощности зажато. Узлы надо проверять чаще, обслуживание делать тоже, но он чётко пишет в объявлении: «Ничего экспериментального. Всё обкатано и обслужено». Значит, техобслуживание делал регулярно и надлежащие записи есть в наличии, проблем доказать у него не будет. «Да я и сам запросить могу», — рука привычно дёрнулась к комму, но тут же пришлось вернуть её на место и выдохнуть с разочарованием. Не привык ещё, а такие моменты надо контролировать.

Залез в раздел справки от аналитиков, поискал. Ребята и тут молодцы оказались. Развёрнутый перечень работ, правда, они не приложили, но подтверждение техобслуживания нашёл: «ТО проходил без просрочек». Ай, да головастики у нас там сидят! И это было одновременно и «во-вторых», и «в-третьих», что неотступно меня возвращало к этой машине.

Самое главное в объявлении указано не было, но, опять же, удалось найти в справке у наших аналитиков: «Клестанг-3R» проходил заводскую подготовку для установки модуля контроля дронов! Пусть его сейчас в комплекте не было, как и самих дронов, но этот узел остался! Видимо, хозяин никогда им не пользовался и не придавал этому значения, а вот мне для предстоящей работы с мусором это было важно, как воздух. Не руками же мне ловить его...

Мы летели почти строго на юг, и где-то там впереди, за Даланзадгадом, последним крупным монгольским административным центром в этом направлении, ближе к границе с Китаем, расположился археологический лагерь, где нас ждали китайские товарищи. Я смутно помнил, что ещё в начале прошлого века в этой части Гоби нашли первые гнёзда динозавров, что стало одним из доводов в пользу их родства с птицами.

Уже на подлёте, когда оставалось меньше получаса до места назначения, Пётр Михайлович сбросил скорость, и мы ещё раз прошлись по всем узловым местам моей миссии. Оказавшись в Китае, в деревне у «своей бабушки», мне не стоило к ней заходить, а предстояло сразу отправиться в ближайший аэропорт, который находился в мегаполисе Сиань. По дороге, как только активируется комм, было бы хорошо сразу связаться с брокером и определиться, не потребуется ли мне прямиком лететь в Маскат, но это напрямую зависело от того, какой аппарат я выберу.

В моём коротком списке оставалась ещё одна машина, которая вроде бы по всем параметрам превосходила старенький «Клестанг» Фрица: была моложе почти в два раза, налёт, естественно, меньше, а ресурса больше, но тут вступала в главную роль цена вопроса. Занимавший первое место в списке аналитиков космоплан стоил 156 000 ЕК против 116 000 ЕК, которые просил немецкий пилот, и у меня теплилась надежда, что тут ещё можно будет сторговаться.

В этом случае всё зависело от сговорчивости старого пилота, а значит, мне надо будет прямиком лететь на орбитальные доки «Гвиана-500» над Французской Гвианой, и сделать это гораздо проще с космодрома Куру. Деревня «моей бабушки» располагалась в двух часах полёта на пассажирском турболёте от огромного транспортного хаба Сиань, и оставалось надеяться, что мне повезёт найти прямой рейс до Кайенны, если брокер согласится сопровождать сделку удалённо.

За этими размышлениями мы долетели до района раскопок и, описав круг, стали заходить на посадку в подсвеченную дополненной реальностью зону рядом с одной из громадных палаток. В этой конструкции легко узнавалась термопластовая «марсианская» палатка — китайцы и здесь не упускали случая тестировать космические технологии на прочность, пользуясь особенностями пустыни: ураганные ветры порой здесь достигали скорости 25 м/с.

Коротко обняв меня на прощание, Пётр Михайлович крепко пожал мне руку и закончил словами известной песни: — Ты у меня не первый, кого провожаю «за ленточку». Уверен — ты в начале славных дел! Всё получится! И помни: Родина слышит, Родина знает, где её сын в облаках пролетает. На связи!

Я подхватил рюкзак, погладил Перчинку, свернувшуюся воротом на шее, вышел из гравилёта и сделал шаг внутрь палатки. Пётр Михайлович так и не вышел из машины, кото-

рая замерла на площадке с выключенными габаритами.

Внутри меня ждали двое сопровождающих: неожиданно миловидный парень, выглядевший словно сошедший с экрана головизора, и, в противоположность ему, суровая коренастая девушка с коротким ёжиком волос. Одеты они были в непонятные комбинезоны — нечто среднее между военной полевой и полицейской формой, но явно гражданского назначения: слишком много петель, застёжек и тактических карманов. По китайцам возраст определить трудно — они и до пятидесяти лет могут выглядеть молодо, но эти двое производили впечатление парочки стажёров-неудачников, которые перед моим появлением ещё и поругаться умудрились.

Я предъявил идентификационную карту и поднял экранящий бокс, в котором лежал мой комм. Мы лишь обменялись короткими приветствиями, и девушка попросила следовать за ними. С этого момента начался мой самостоятельный путь.

Пройдя палатку насквозь, мы вышли с противоположной стороны и сразу загрузились в гражданский флаер. Модель была популярная, выкрашенная в неброский серебристый цвет. На корпусе были заметны многочисленные потёртости и шероховатости, какие могли остаться после пылевых бурь. На лобовом стекле тоже виднелись сколы и микротрещины.

Мне предложили сесть на заднее сиденье и предупредили, что остановок не будет и полёт может занять от трёх до шести часов, чем ввели меня в лёгкое недоумение. После этого я

как будто перестал для них существовать.

Точку назначения я знал. Деревня условной бабушки находилась посередине между древним монастырём Шаолинь и Сианем, не менее древней столицей китайских государств. Хотя правильнее сказать, что Сиань неоднократно становился столицей древних династий китайских правителей, среди которых всемирную известность приобрёл император Цинь Шихуанди, прославившийся строительством гробницы с Терракотовой армией. Было непривычно сидеть и ничего не делать, но это давало время подумать и освоиться в новой роли.

Первую часть пути мы летели по направлению к пустыне Алашань, расположенной в южной части Гоби, потом выполнили несколько манёвров и где-то с полчаса двигались на запад над Великой Китайской стеной. Я внутренне был благодарен за эту экскурсию и с интересом глазел в бортовое окно.

Перчинка проснулась и начала крутиться у меня на руках, явно выпрашивая угощение. Пока я возился с её едой, приспособливал крышку от контейнера под лоток для кормушки и следил, чтобы не уделать салон, машина ещё несколько раз сменила курс, и, когда я вновь бросил взгляд в окно, мы уже летели над бескрайними рисовыми полями и плантациями.

Оставшуюся часть пути я откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и сосредоточился на составлении спецификации для модуля управления дронами «Клестанга» под задачу расчистки мусора, которая по логике работы во мно-

гом совпадала с противоракетной обороной перехватчика в плотном строю.

Когда mosquitoный флот прикрывал крупный пустотный объект, например верфь, то уничтожение боевой части или двигателя ракеты решало только часть проблемы — веер рассеянных осколков мог нанести непоправимый ущерб оборудованию и даже повлечь гибель людей на объекте. Сам же перехватчик не мог покинуть зону ответственности и уйти на безопасную дистанцию, будучи вынужденным защищать и себя, и объект за спиной. Ключевую роль здесь играло раннее обнаружение фрагментов и сохранение дистанции до дронавода.

Под этот формат взаимодействия я и пытался собрать команду дронов с учётом разных типов мусора. Конечно, потом ещё не раз можно будет прогнать всё это с искином, но, как говорил один мой знакомый вундер, когда выходил кривой ответ: «Искин не тупой — просто это вопрос приоритизации задач».

Карта одноразового комм неожиданно засветилась зелёным и завибрировала. Я даже не сразу понял, что произошло, если бы не толчок в колено от парня с переднего сиденья, который сопровождался таким же резким и коротким распоряжением: «Активируй комм. Десять секунд. Время пошло».

Комбинированный био-кремниевый персональный комм, как его обозвал товарищ Сивков, внешне ничем не отличал-

ся от обыкновенного и по дизайну был выполнен в форме обыкновенного мужского браслета, какие ещё варяги носили. «Хорошо, что не золотой», — подумалось мне, пока я искал способ активировать браслет, вытряхнув его на ладонь из экранирующего сейфа.

Мягкая волна света, пошедшая по браслету, показала, что он заработал. «Наверное, подцепил моё биополе», — пришла в голову мысль. И тут же резко в ушах проскрежетало: «Срочно подключите периферию».

В коробочке нашёлся ещё комплект биополимерных наклеек для аудиоканала и принтер линз — небольшое устройство, которое могло нанести нужную наносетку практически на любую, даже обыкновенную медицинскую линзу. Там же я с удивлением обнаружил небольшое кольцо, повторявшее стиль браслета комма.

Мне с детства повезло, что я, как и дед, левша, поэтому часы ношу на правой руке, а вот комм привык носить на левой, как и все, а то бы всё это многообразие гаджетов на мне не поместилось. Теперь одноразовый криптокошелёк надёжно скрылся под широкой полосой браслета комма, который, невзирая на внешний вид, оказался вовсе не из металла.

Не успел я наладить контакт с коммом, как меня попросили на выход. Я торопливо деактивировал и сдал голомаску, засунув потухший одноразовый коммуникатор в нагрудный карман плотной куртки. Перчинка собранно вцепилась мне в плечо и всем видом показывала, что готова к покорению

просторов Китая.

Спустя полминуты мы стояли на просёлочной дороге, спускавшейся с горы, где за скалистым поворотом вверх по склону угадывались крыши небольшой деревушки, а флягер моих сопровождающих растворился в закатных лучах. Очень романтическая картинка получилась, но всё очарование нарушила Перчинка, неожиданно громко чихнув и выгнувшись дугой у меня на плече, отчего шёрстка на её спинке встала дыбом.

Я огляделся. Нас окружала уютная тишина, а окрестности поражали полным отсутствием людей, даже не верилось, что я нахожусь в стране с многомиллиардным населением. Внизу на полях копошились сельскохозяйственные роботы, с этого расстояния напоминавшие колорадских жуков, а на горизонте угадывался Лоян, судя по активному трафику в воздухе. Вдалеке за полями виднелась река, то ли Лохэ, то ли Ихэ — без комм я определить сразу не мог. И первоочередной задачей стало разобраться именно с ним.

Рядом с дорогой я заметил подходящий валун и только собирался присесть, как на дороге появился колёсный дрон, тащивший тележку вверх по склону, и что-то мне подсказало, что надо отсюда убираться: уж больно я тут странно выглядел. Я надвинул кепку и неспешной походкой направился в долину, справедливо полагая, что дорога выведет меня к трассе, на которой будет остановка общественного транспорта и какое-нибудь место, где можно будет присесть, не

привлекая внимания, и разобраться с настройками комм.

Далеко я не ушёл, как в голове, где-то за ушами, раздался неприятный скрежещущий голос: «Срочно подключите периферию», — и казалось, все кости дребезжат. Я невольно поморщился, на ходу открыл бокс, нашёл там пластинки на ушников и прикрепил их вплотную за ушами. Следом выудил и надел линзы, а на палец правой руки, немного подумав, нацепил неброское кольцо с матовым стальным отливом. В этот же момент браслет слегка одобрительно сжался, посылая мне что-то наподобие дружеского рукопожатия.

Перед глазами промелькнули строчки активации приложений и повис запрос: «В вашем багаже обнаружен накопитель данных. Желаете переместить данные в оперативную память комм? Да/Нет». Привычные жесты руками и пальцами не принесли ожидаемого результата.

Это было неожиданно и интересно. Раньше такого интерфейса у меня не было, и управление осуществлялось виртуальной клавиатурой, для чего использовались движения рук и кистей. Теперь же я интуитивно скосил глаза влево, на отметку «Да», и добавил слабый импульс концентрации биополя в том же направлении, как если бы хотел усилить туда энергетический щит БРПК. Сработало, и передо мной появилось сообщение: «Вы успешно провели активацию и сопряжение интерфейса с Вашей биоэнергетической матрицей».

Следующее сообщение и вовсе меня заинтриговало, по-

ражая масштабом возможностей комма: «Обнаружена биоэнергетическая матрица хищного млекопитающего, предположительно относящегося к семейству куньих. Внимание! Гармонизация резонанса — 15%. Желаете включить в список авторизованных контактов? Да/Нет».

Да, желаю, а куда деваться? Причин для блокировки нет — пусть будет в контактах. Это что получается — есть список контактов по IP и ID, а есть по биоматрице? Надо будет покопаться...

Следующий вопрос опять заслонил весь обзор: «Желаете активировать личную матрицу помощника? Да/Нет». Желая побыстрее пройти настроечное меню и сориентироваться, куда убраться с дороги, я мотнул взглядом, сопроводив лёгким внутренним посылом, и подтвердил. Вывалилось меню выбора личностных матриц, где предлагалось настроить помощника индивидуально или воспользоваться предустановленной моделью.

Индивидуальная настройка открыла первый экран многостраничной формы с вопросами. В правом нижнем углу, «хвала разработчикам!», было честно указано: «1/87». Уже жалея, что вообще согласился на установку матрицы, я мысленно пожелал вернуться в предыдущее меню в надежде, что быстренько установлю что-то из предустановленного, хоть того же «Профессора-наставника» или «Инженера-компаньона», да хоть «Бухаря-собеседника», но ничего не произошло.

Метания взглядом по экрану, голосовые команды, в полголоса перемежаемые неуставными комментариями совсем не на китайском, попытки снять и надеть браслет, протирание линз, нажатия на кольцо ни к чему не привели. Как я ни крутился, а привычного интерфейса так и не было, и только перед глазами незыблемо висел первый экран со списком вопросов. Уже первый из десяти вопросов на этой вкладке обещал увлекательный процесс индивидуальной настройки, и меня, как бывшего курсанта, вообще поверг в шок: «Укажите время, во сколько вам комфортнее просыпаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.